

A movie poster for the film 'Фокусник теней' (Shadow Focus). The background is a dark, misty forest with a calm lake reflecting the trees. In the center, a woman with dark hair, wearing a light-colored t-shirt and jeans, stands with her arms crossed and a look of intense fear or shock on her face. Her hair is blowing in the wind. Behind her, a large, dark, featureless silhouette of a person stands, its form dominating the upper half of the frame. The overall mood is mysterious and terrifying.

Эмиль Кронфельд

ФОКУСНИК
ТЕНЕЙ

«Твой страх всегда будет со вкусом крови.
Ты приняла это?»

18+

Эмиль Кронфельд

Фокусник теней

<https://litres.ru/73295491>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лика успешный психолог, которая учит других справляться с болью. Но её собственная травма, спрятанная глубоко внутри, не даёт жить. В попытке исцелиться она возвращается в забытый богом городок у озера, где десять лет назад всё пошло не так.

Но покой здесь лишь видимость. В лесу находят тела молодых женщин, а местные говорят о Фокуснике маньяке, который превращает женские страхи в чудовищное искусство. Лика понимает, что попала в ловушку. Её дом хранит кровавые послания, а психотерапевт, обещавший помощь, знает о ней слишком много.

Чтобы выжить, ей придётся перестать быть жертвой. Заглянуть в самое сердце тьмы, где стирается грань между палачом и исцелителем. Где озеро хранит все секреты, а тишина обманчива. Сможет ли она выйти из этой игры живой?

Содержание

Глава 1: Тихая вода	7
Глава 2: Первая сессия	28
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эмиль Кронфельд

Фокусник теней

Главные герои романа «Фокусник теней»

ЛИКА (28 лет)

* Психолог-блогер, которая приезжает в родной город, чтобы побороть аноргазмию и ненависть к своему телу, коренящуюся в старой травме.

* Рациональна внешне, травмирована внутри. Её блог о здоровой психике – фасад, за которым прячется женщина, замороженная страхом и стыдом.

* Ищет контроль и «нормальность», но в ходе расследования исчезновений девушек ей придется столкнуться с самой тёмной частью себя.

АРТЁМ СЕРГЕЕВИЧ БЕЛОБОРОДОВ (45 ЛЕТ)

* Психотерапевт с провокационными методами, работающий на грани этики. Видит в Лике «идеального пациента» для своих радикальных экспериментов.

* Харизматичный, холодный и манипулятивный. Его спокойный голос и пронзительный взгляд видят чужие слабости насквозь.

* Подозреваемый №1 в череде исчезновений. Является ли он гением, ведущим к исцелению, или монстром, играю-

щим с чужими страхами?

«ФОКУСНИК» (возраст неизвестен)

* Антигерой-маньяк, охотившийся на девушек с потаёнными страхами. Не просто убийца, а создатель извращённого «театра освобождения».

* Философ зла. Верит, что превращает «грязь» и тайны своих жертв в «чистое искусство» через боль и смерть.

* Живое воплощение самых глубоких кошмаров Лики и главный вызов её желанию исцелиться «любой ценой».

МАКСИМ (32 года)

* Местный житель, бармен и «удобный» знакомый, с которым Лика пытается начать новые отношения.

* Кажется опорой и убежищем, но его прошлое окутано тайнами, связанными с пропавшими девушками.

* Ключ и потенциальная ловушка. Его двойственная природа заставляет Лику сомневаться во всём и каждом, включая собственное восприятие.

ПОБОЧНЫЕ ПЕРСОНАЖИ:

* Пропавшие девушки: Каждая – отражение отдельного страха (стыд, навязчивость, перфекционизм), как пазл в картине «Фокусника».

* Город: Не просто локация, а молчаливый соучастник с двумя лицами: летний курорт и зимняя, изолированная ло-

вушка, хранящая все секреты.

Название: «Фокусник теней»

Локация: небольшой курортный городок на закрытом от посторонних озере, который летом полон туристов, а зимой погружается в мрак, изоляцию и тишину.

Основные проблемы: Главная героиня, Лика, страдает от аноргазмии и глубокого неприятия своего тела, корни которого уходят в травматическое событие юности, связанное с этим городом. Она возвращается туда, чтобы «исцелиться», но вместо этого сталкивается с серией загадочных исчезновений девушек, чьи страхи и тайны зеркально отражают её собственные.

Глава 1: Тихая вода

Озеро Бездонное помнило всё. Оно лежало в чаше лесов, как огромное, тёмное зеркало, забытое каким-то гигантом. Летнее солнце пыталось его приручить, рассыпая по поверхности бриллиантовые блики, но вода поглощала свет, не отдавая глубины. Она хранила холод и тишину, знала про коряги на дне, про затонувшие лодки и про те секреты, что города на берегу хоронили в своих подвалах, в чердачной пыли, в запертых ящиках комодов.

Ли́ка подъехала к дому под вечер, когда длинные тени начинали сливаться в единую сизую пелену. Машину она оставила в Москве, доехала на поезде, а от станции взяла такси. Старый водитель, пахнувший табаком и бензином, молча покачал головой, услышав адрес.

– Там зимой никто не живёт. Да и летом-то редко кто селится. Зброшенный конец.

– Я знаю, – коротко ответила Ли́ка, глядя в боковое окно на мелькающие сосны.

Она знала. Каждый кривой поворот этой дороги, каждый покосившийся километровый столб был выжжен в её памяти, хотя она и старалась десять лет вытравить их кислотой забвения. Городок Кривицы встречал её всё теми же деревянными домами с резными наличниками, покрашенными в небесно-голубой, зелёный и жёлтый цвета, словно

детский конструктор, забытый среди взрослого леса. Но яркость красок была обманчивой. Под ней сквозила запущенность: облупившаяся краска, прогнившие ступеньки, заросшие бурьяном палисадники. Летом сюда ещё наезжали туристы, привлечённые дешёвым отдыхом и озером. Но сезон заканчивался. Чувствовалось, как жизнь медленно отступает, готовясь к долгой зимней спячке.

Дом, который она сняла за бесценок через анонимный аккаунт, стоял на самом краю посёлка, там, где улица упиралась в каменный обрыв, а тропинка вела вниз, к узкой полоске галечного пляжа. Двухэтажный, деревянный, когда-то он, должно быть, был белым, но сейчас краска слезла, обнажив серое, посеревшее от времени дерево. Окна смотрели на озеро пустыми, тёмными глазницами. Крыльцо скрипело под ногами, издавая звук, похожий на стон.

Ключ, полученный от риелтора (молодой парень, поспешивший уехать сразу после передачи), с трудом повернулся в замке. Дверь открылась, выпустив навстречу тяжёлый, затхлый воздух, пахнувший плесенью, старой бумагой и чем-то ещё – сладковатым и неприятным, как запах забытых в вазе цветов. Лица замерла на пороге, сердце колотилось где-то в горле. *Ты не та девочка. Ты взрослая женщина. Ты здесь, чтобы всё изменить.*

Она переступила порог.

Внутри было пусто и просторно. Первый этаж – одна большая комната-гостиная с камином, заросшим паутиной, ку-

хонный угол с ржавой плитой и дверь, ведущая, судя по всему, в подсобное помещение. Пыль лежала пушистым, серым ковром, сквозь который проступали следы – не её следы. Кто-то здесь был недавно. Риелтор? Или... Лика отогнала мысль. Солнце, пробивавшееся сквозь грязные стёкла, резало комнату на полосы света и тени, в которых пылинки кружились в медленном, безумном танце.

Она поставила чемодан на пол. Звук был гулким, конечным. Тишина здесь была не просто отсутствием шума. Она была плотной, вещественной, как вода в глубоком колодце. Лика подошла к окну, выходящему на озеро. Вид захватил дух, несмотря на всё. Озеро лежало внизу, бескрайнее и спокойное. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая воду в цвет расплавленной меди и чернильной синевы. Красота была леденящей, безжалостной. Она не утешала, а напоминала: ты здесь одна. Совсем одна.

С телефоном была одна полоска, интернета не было. Как и договорились. Цифровой детокс. Часть терапии. Она достала ноутбук и мощный портативный модем, который ловил слабый сигнал. Ей нужно было сделать запись для блога. Для своих пятидесяти тысяч подписчиц, ждущих мудрого совета от психолога, который учит любить себя, выстраивать границы, исцелять внутреннего ребёнка. Ирония застряла у неё в горле комом.

Она включила камеру, поправила волосы – тёмные, прямые, собранные в тугий узел, надела очки в тонкой оправе,

чтобы выглядеть серьёзнее. Улыбнулась – лёгкой, профессиональной улыбкой, которая не касалась глаз. Глаза были серыми, слишком большими для лица, и в них всегда жила настороженность, которую она училась прятать.

«Привет, – начала она, и её голос прозвучал странно громко в пустом доме. – Сегодня поговорим о возвращении к истокам. Иногда, чтобы двигаться вперёд, нужно смелость обернуться назад. В место, где осталась часть нашей боли. Не чтобы утонуть в ней, а, чтобы вычерпать, понять и... оставить там, где ей место. В прошлом. Я сейчас как раз в таком месте. Домик у озера, тишина, природа. Идеальные условия для диалога с собой».

Она говорила плавно, уверенно, выстраивая предложения, полные красивых метафор про «исцеляющие воды воспоминаний» и «архитектуру травмы». Руки не дрожали. Никто бы не подумал, что её ладони стали ледяными и влажными, а в животе сковало знакомое, тошнотворное напряжение. Она закончила запись, отправила файл на монтаж виртуальному ассистенту и откинулась на спинку стула. Фасад был возведён. Иллюзия контроля – восстановлена. Теперь можно было разложить вещи.

На втором этаже были две спальни и небольшая ванная с треснувшей раковиной и пятнами ржавчины на эмали ванны. Лика выбрала меньшую комнату, с окном не на озеро, а на лес. Здесь было безопаснее. Она разложила постельное бельё, поставила на тумбочку книгу по когнитивно-поведен-

ческой терапии и маленькую, походную свечу. Из чемодана она достала плотную папку с распечатками – историями болезней, статьями о сексуальной дисфункции, конспектами своих сессий с предыдущими терапевтами. И фотографию. Старую, потрёпанную. На ней – шестнадцатилетняя Лика, худая, с неловкой улыбкой, стоит на том самом галечном пляже. За ней – трое парней и ещё две девушки. Все смеются. Солнце слепит. Кадр, выхваченный из самого края лета, за мгновение до того, как всё пошло наперекосяк. Она положила фотографию лицом вниз.

Вечер опустился быстро, как тяжёлый занавес. Лика сварила на горелке кофе, съела йогурт. Тишина стала давить на барабанные перепонки. Она включила музыку в наушниках – что-то классическое, без слов, – но это не помогло. Тишина была внутри. Та самая, что наступала после... после того. Пустота, в которой застыли все чувства, кроме одной – острого, режущего стыда. Стыда за своё тело, которое её предало. Которое сначала возбудилось, а потом... отключилось. Замолчало. Навсегда.

Она вздрогнула от резкого звука – где-то на первом этаже что-то упало. Сердце забилось, перекачиваясь в груди тяжёлым, горячим комом. *Мыши. Или сквозняк.* Она медленно сняла наушники. В тишине стоял только мерный, навязчивый звук капающей из крана воды. Кап-кап-кап. Как тиканье часов. Но и помимо него... Шорох. Лёгкий, как шелест бумаги. Или шаги по песку.

Лика встала, стараясь дышать бесшумно. Подошла к двери, прислушалась. Ничего. Она спустилась вниз, включила фонарик в телефоне. Луч света метнулся по стенам, выхватывая из темноты обрывки обоев с цветочным узором, тень от вешалки, похожую на висельника. В гостиной было всё как прежде. Но на полу у камина лежал кирпич – один из тех, что вывалились из расшатанной кладки. Возможно, он и упал сам. Но Лика подошла ближе. В толстом слое пыли вокруг кирпича были следы. Не её узкие следы от балеток. Чьи-то другие. Более крупные, с глубоким отпечатком каблука или подошвы. Они подходили к камину, а потом уходили в сторону чёрного проёма двери в подсобку.

Лика замерла. Каждый нерв в её теле звенел, как натянутая струна. Она подошла к двери. Она была приоткрыта. Из-за неё тянуло холодом и сыростью. Фонарь выхватил ступеньки, уходящие вниз, в полную тьму. В подвал.

Не надо туда идти. Запри дверь. Подожди до утра.

Но её нога уже шагнула вперёд. Терапевты говорили: избегание усиливает тревогу. Нужно встречаться со страхом лицом к лицу. Это была всего лишь тёмная комната. Всего лишь подвал. В её собственном доме.

Она осторожно спустилась. Деревянные ступени скрипели под её весом, словно предупреждая кого-то внизу. Воздух стал густым, пропитанным запахом земли, плесени и... чего-то металлического, сладковатого. Фонарь вырвал из мрака небольшое помещение с земляным полом. Стеллажи с пу-

стыми, пыльными банками. Старый велосипед без колёс, похожий на скелет огромного насекомого. И в углу – пятно. Тёмное, расплывчатое пятно на земле. Оно казалось липким. Лика сделала шаг ближе, наклонилась...

И свет фонаря поймал на противоположной стене рисунок. Нарисованный чем-то тёмным, возможно, углём или... чем-то другим. Рисунок был грубым, но узнаваемым. Контур женской фигуры. А внутри контура – беспорядочные, яростные штрихи, спирали, перечёркнутые кресты. И слова, выведенные неровными буквами: «ЗДЕСЬ БЫЛА ГРЯЗЬ. Я СДЕЛАЛ ЕЁ ЧИСТОЙ».

Лика отшатнулась, споткнулась, её спина ударилась о стеллаж. Пустые банки загремели, одна упала и разбилась с хрустальным звоном. Звук был невыносимо громким в гробовой тишине подвала. Она выбежала наверх, захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной, дыша, как загнанное животное. *Граффити. Чьё-то больное граффити. Бомжи, дети...* Но следы были свежими. И рисунок... Он был омерзительным, проникнутым такой ненавистью к изображённому телу, что её стошнило. Она побежала в ванную и рыгала, пока не свело желудок.

Позже, лёжа в постели и вслушиваясь в каждый скрип дома, она убедила себя, что это просто чья-то глупая, отвратительная шутка. Городок маленький, люди скучают. Её дом долго стоял пустым, туда могли забираться подростки. Но слова жгли её изнутри: «ГРЯЗЬ... ЧИСТОЙ». Они отзыва-

лись эхом в той самой глубокой, запрятанной части её, которая тоже чувствовала себя грязной. Испорченной.

Она не спала до рассвета, а когда первые лучи солнца окрасили стены в бледно-серый цвет, то, что произошло в подвале, показалось сном наяву. Иррациональным страхом уставшей женщины.

Утром она решила действовать по плану. Первый пункт: найти специалиста. Местного. Того, кто не знает её московской истории. Она погуглила на модеме: «психотерапевт Кривицы». Выдало три ссылки. Два психолога в соседнем, более крупном городке и один – здесь. *Артём Сергеевич Белобородов. Индивидуальная и групповая терапия. Работа с травмой, ПТСР, сексуальными дисфункциями. Авторская методика.* Контакты: телефон и адрес в центре, на улице Озёрной.

Лика позвонила. Ответил спокойный, бархатный мужской голос, лишённый каких-либо интонаций.

– Алло?

– Здравствуйте. Меня зовут... Лика. Я хотела бы записаться на приём. К психотерапевту.

– Говорите.

– Я... у меня есть определённые проблемы. С... с телом. С восприятием себя. Страх близости.

– Новый клиент?

– Да.

– Откуда вы?

– Я... из Москвы. Но сейчас живу здесь, в Кривицах. Временно.

На другом конце короткая пауза. Ей показалось, что она слышит тихое дыхание.

– Интересно. Обычно поток в другую сторону. Адрес?

Она назвала улицу и номер дома.

– А, старый дом Тарасовых, – голос на другом конце провода, кажется, оживился на полтона. – Место с историей. Хорошо, Лика. У меня есть окно завтра, в пять вечера. Улица Озёрная, 15. Жёлтый особняк с колоннами. Не опаздывайте.

– Спасибо. Я...

Но связь прервалась. Он повесил трубку первым.

Лика почувствовала странное облегчение. Она сделала первый шаг. Он казался холодным, но профессиональным. Всё по плану.

Она решила прогуляться в город, купить еды, освоиться. Нужно было отвлечься от ночных кошмаров. Она надела лёгкое платье, солнечные очки, взяла сумку. Дорога от дома шла через сосновый бор. Воздух был густым, смолистым. Солнце пробивалось сквозь кроны, рисуя на земле движущиеся кружева света и тени. Было красиво, неестественно красиво, как декорация. И тихо. Ни птиц, ни ветра. Только её шаги по хрустящей хвое.

И вдруг – звук. Глухой, тяжёлый удар. Как будто что-то массивное упало на землю. Он донёсся слева, из чащи. Лика замерла. *Зверь. Упавшее дерево.* Но инстинкт кричал об

обратном. Она медленно свернула с тропы, осторожно пробираясь между стволами. Запах смолы сменился другим – терпким, медным. Запах крови. Она это знала. Она узнавала этот запах.

Она вышла на небольшую поляну. И увидела.

На поваленном мшистом бревне сидела девушка. Вернее, то, что от неё осталось. Она была одета в лёгкое летнее платье в цветочек, теперь пропитанное тёмно-бордовыми пятнами. Её волосы, светлые, почти белые, были растрёпаны, лицо запрокинуто к небу. Глаза широко открыты, смотрели в бесконечную синеву между ветвями, но не видели ничего. Горло было перерезано. Разрез – аккуратный, глубокий, от уха до уха, как вторую, чудовищную улыбку. Руки были сложены на коленях, ладонями вверх, в почти молитвенной позе. А на её лбу, прямо над переносицей, было нарисовано что-то. Символ. Круг с точкой в центре и расходящимися лучами. Нарисовано тем же тёмным веществом, что и слова в подвале. Кровью.

Лица не закричала. Воздух вырвался из её лёгких тихим свистом. Ноги подкосились, и она опустилась на колени, уткнувшись лицом в холодный мох. Её трясло, зубы стучали. Она подняла голову, снова посмотрела. Это было не галлюцинация. Девушка была настоящая. Мёртвая. И эта поза... Эта ужасающая, театральная поза спокойствия. Это было послание. Кто-то выставил её здесь, как экспонат. Как произведение искусства.

Беги. Беги отсюда.

Но она не могла пошевелиться. Взгляд её прилип к рисунку на лбу. Солнце падало на поляну, и луч золотил светлые волосы девушки, делая эту сцену ещё более сюрреалистичной и чудовищной. Красота и ужас, сплетённые воедино.

И тут она услышала шаги. Тяжёлые, мерные, хрустящие по веткам. Кто-то шёл через лес прямо к поляне. Лица инстинктивно отползла за толстый ствол сосны, прижалась к шершавой коре, затаив дыхание. Сердце билось так, что, казалось, его удары эхом отдаются по всему лесу.

На поляну вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, в тёмной рабочей куртке и поношенных джинсах. На вид лет тридцать с небольшим. Тёмные, чуть выющиеся волосы, небритое лицо с резкими чертами. Он остановился перед телом, засунул руки в карманы и смотрел. Не с ужасом, не с отвращением. С... оценкой. С холодным, отстранённым интересом, с каким смотрят на законченную работу.

Он обошёл тело кругом, наклонился, поправил складку на платье девушки. Его движения были точными, почти нежными. Потом он достал из кармана фотоаппарат – старую, зеркальную «Зенит» – и сделал несколько снимков с разных ракурсов. Щелчки затвора звучали в тишине леса, как выстрелы.

Лица зажмурилась. *Маньяк. Это он. Он вернулся к своему «творению».*

Мужчина закончил фотографировать, ещё минуту посто-

ял, глядя на свою работу, и, наконец, повернулся и зашагал прочь, в сторону, противоположную той, откуда пришла Лика. Его шаги стихли в чаще.

Прошло ещё пять минут, может, десять. Лика не могла двигаться. Она боялась, что он вернётся. Боялась выйти на поляну. Но нужно было бежать. В город. В полицию.

Она выбралась из леса на дорогу и почти бежала до первых домов. Ноги подкашивались, в глазах стояли белые звёздочки от нехватки воздуха. Она ворвалась в первое попавшееся открытое заведение – небольшое кафе с вывеской «У Максима». Внутри пахло кофе, жареным луком и пивом. За стойкой стоял тот самый мужчина с поляны.

Он смотрел на неё. Теперь он был в чёрной футболке, подоткнувшей полотенце за пояс. Его лицо было тем же – резким, недружелюбным, но теперь на нём была маска обычного бармена. Он вытирал бокал.

– Что-то случилось? – спросил он. Его голос был низким, хрипловатым от сигарет.

Лика открыла рот, но слова застряли. Она смотрела на его руки. Большие, с жилистыми предплечьями, с небольшим шрамом на костяшке левой. Те самые руки, что поправляли платье мёртвой девушки.

– Вы... – прошептала она.

– Я Максим. Хозяин. Вы новенькая? Видел, как вы вчера с вещами шли к дому на обрыве. – Он поставил бокал, внимательно изучая её. – Похоже, вас привидение напугало.

Там, говорят, водятся.

Он улыбнулся. Улыбка не добралась до глаз. Они оставались тёмными, непроницаемыми, как вода в Бездонном.

– В лесу... – наконец вырвалось у Лики. – Там... тело. Девушка. Мёртвая.

Тишина в кафе стала абсолютной. За столиком у окна, где сидели двое рыбаков с кружками пива, разговор прекратился. Максим перестал вытирать стойку.

– Вы уверены? – спросил он без особого удивления.

– Да! Её горло... и на лбу... рисунок... Надо вызывать полицию!

– Полиция тут в сорока километрах, в райцентре, – спокойно сказал один из рыбаков, пожилой мужчина с обветренным лицом. – И то, если выедут. У нас тут третья за лето.

Лица почувствовала, как пол уходит из-под ног. *Третья?*

– Что значит – третья?

– Пропадают девушки, – сказал Максим, наливая ей стакан воды и подвигая его через стойку. – Туристки. Приезжают, селятся, а потом... испаряются. Местные говорят, что озеро забирает. Оно, говорят, любит девичьи души. Особенно тех, кто с секретами. Выпейте.

Она машинально взяла стакан, руки дрожали, вода расплёскивалась.

– Но это же убийство! Я видела! Кто-то её... выставил, как...

– Как что? – Максим прищурился.

Ли́ка замолчала. Она не могла выговорить это. Она посмотрела на его руки снова. *Он был там. Он фотографировал.* Но сказать это вслух значило выдать себя. Значило, что он поймёт – она его видела.

– Никто ничего не выставлял, – буркнул второй рыбак, помоложе. – Наверное, вам показалось. От шока. Лес, тени... Может, это было животное.

– С перерезанным горлом и рисунком на лбу? – выдохнула Ли́ка.

Мужчины переглянулись. В их взгляде было не столько недоверие, сколько какое-то усталое знание. Как будто они уже смирились с тем, что в их лесу водятся не только звери.

– Рисунок, говорите? – переспросил Максим. Его голос был ровным, но в глазах промелькнула искра – не страха, а скорее... интереса. – Какой рисунок?

Ли́ка описала символ: круг с точкой и лучами.

– Солнце, – сказал пожилой рыбак и перекрестился. – Это знак того Фокусника.

– Какого Фокусника? – голос Ли́ки сорвался на фальцет.

– Так в газетах прозвали. В прошлом году первая история вышла. Девушку нашли в лодке посреди озера. Вся в... ну, в странной позе. И нарисовано что-то было. Потом вторая. Теперь вот, выходит, третья. Говорят, он не просто убивает. Он... работает с ними. Пока они ещё живы. Выпускает их страхи наружу. А потом превращает в такое... в искусство. Бред, конечно, – он махнул рукой, но в его глазах был суе-

верный ужас.

Максим слушал, опершись о стойку. Его лицо было каменным.

– Бред сумасшедших и журналистов, – наконец сказал он. – Скорее всего, это маньяк-одиночка из приезжих. Или серийник, который по побережью двигается. Полиция разберётся. А вам, – он посмотрел прямо на Лику, – я бы советовал быть осторожнее. Особенно одной в том доме. И в лесу гулять не стоит. Лес здесь... живой. И недобрый.

Его слова прозвучали как угроза. Замаскированная, но оттого не менее чёткая.

– Я... мне нужно в полицию, – повторила Лика, чувствуя, как её решимость тает под его взглядом.

– У нас участковый Фёдоров, – сказал Максим. – Его контора в здании администрации, через дорогу. Только он сегодня, кажется, в райцентре. Вернётся к вечеру. Можете оставить заявление. А пока – садитесь, поешьте что-нибудь. Вы бледная, как смерть.

Он повернулся к плите, демонстративно прекратив разговор. Лика осталась стоять у стойки, чувствуя себя полной идиоткой. Весь её план, вся её терапия, её блог, её попытка взять контроль – всё это разлетелось в прах перед лицом настоящего, грубого, кровавого ужаса. И этот мужчина... Он был там. И он здесь. И он спокоен. Как будто видел такое каждый день.

Она не села. Она вышла из кафе, шатаясь, как пьяная.

Солнце светило по-прежнему ярко, дети катались на велосипедах, с озера доносился смех купающихся. Курорт жил своей жизнью, не подозревая, что в сосновом бору лежит девушка с нарисованным солнцем на лбу. Или подозревая, но предпочитая не замечать.

Ли́ка дошла до здания администрации – уродливого двухэтажного строения из силикатного кирпича. Участкового, как и предполагалось, не было. Секретарша, женщина с усталым лицом, взяла у неё устное заявление, записала в толстую, потрёпанную тетрадь, кивая без особого интереса.

– Фёдоров заедет, проверит, – сказала она. – Не первая, не последняя. Сами понимаете, сезон, народу всякого наезжает. Может, и сбежала куда с парнем, а вы тело нашли. Вам-то откуда знать, как они выглядят, эти... мёртвые.

Ли́ка поняла, что добиться чего-то здесь не получится. Она вышла на улицу, села на лавочку у пристани и смотрела на озеро. Вода искрилась, будто усыпанная алмазами. Где-то там, на противоположном берегу, в дымке, виднелись силуэты ещё нескольких деревень. Мир казался огромным и безразличным.

Она думала о девушке. О её пустых глазах. О позе. О том, что её страх – какой бы он ни был – стал частью спектакля для одного-единственного зрителя. Для Фокусника. И она думала о символах. На стене в подвале: «ГРЯЗЬ... ЧИСТОЙ». На лбу у жертвы: солнце. Превращение тьмы в свет? Мрака в чистоту? Какая извращённая алхимия.

И самое страшное – она понимала логику. Извращённую, чудовищную, но логику. Она сама приехала сюда, чтобы сделать то же самое – вытащить свою «грязь», свою травму на свет и очиститься. Только её методы были другими. Цивилизованными. Кабинетными. А у него... у него были нож, лесная поляна и фотоаппарат.

Её телефон завибрировал. Пришло сообщение от виртуального ассистента: «Ли, запись смонтирована и загружена. Комментарии восторженные. Все восхищаются твоей смелостью». Она выключила телефон.

Смелость. Какая ирония.

Вечером она вернулась в дом. Теперь каждое окно казалось глазом, за которым скрывается кто-то, кто следит. Каждый скрип – шагом незваного гостя. Она проверяла замки, задвинула тяжёлый засов на двери в подвал, который нашла в сарае, и подперла его стулом. Но чувства безопасности не было.

Она открыла ноутбук и в поисковой строке, набрав пароль для доступа в сеть (одна из её клиенток, параноидальная журналистка, научила её этому когда-то), ввела: «Фокусник тени Кривицы убийства символ солнце». Выскочило несколько ссылок на местные форумы, закрытые теперь ветки, пару статей в жёлтой прессе. Она начала читать.

Первая жертва (подтверждённая): Алёна Миронова, 24 года, студентка-дизайнер из Питера. Приехала «на природу поработать». Найдена через неделю после исчезновения в

дрейфующей лодке посреди озера. Сидела, прислонившись к борту, в руках – её собственный альбом с эскизами, залитыми чёрной тушью. На её груди был нарисован символ – лабиринт. Статья описывала это как «ритуальное убийство возможного сектантского толка».

Вторая: Юлия Семёнова, 31 год, бухгалтер из Нижнего Новгорода. Приезжала «пережить развод». Исчезла во время вечерней пробежки по лесной тропе. Тело нашли через две недели в заброшенной охотничьей избушке в глухом лесу. Она была подвешена за руки к балке, ноги касались пола. На стене перед ней углём было начертано: «СМОТРИ». А на её веках были нарисованы открытые глаза. Символ – всевидящее око.

Полиция подозревала местного странного художника, который потом покончил с собой, оставив записку с невнятными извинениями. Дело было закрыто. Но, судя по форумам, исчезновения продолжались. Не всегда находили тела. Иногда девушки просто пропадали. И всегда у них было что-то общее: они приезжали одни, они были в периоде кризиса, у них были секреты, страхи. И после их исчезновения иногда находили... артефакты. Куклы, слепленные из глины и волос. Рисунки на стенах заброшек. Странные композиции из личных вещей на пороге их временного жилья.

Фокусник не просто убивал. Он оставлял след. Подпись. Он доказывал, что проник в самую суть своей жертвы, нашёл её слабое место, её «грязь», и... трансформировал её. В ис-

кусство? В послание? В насмешку?

Ли́ка закрыла ноутбук. В комнате стемнело. Она не включала свет, сидя в кресле у окна и глядя на озеро, превратившееся в чернильную плоскость, на которой отражалась тонкая, кривая луна.

Она думала о своём страхе. О своей «грязи». О том, что её тело стало для неё чужим, вражеским объектом после той ночи на пляже, десять лет назад. После смеха парней, после прикосновений, которые сначала волновали, а потом... потом наступила пустота. И стыд. Всепоглощающий стыд, который она носила в себе, как камень. Она приехала сюда, чтобы наконец вытащить этот камень и бросить его в воды этого озера. Но теперь озеро казалось не очищающей стихией, а соучастником. Оно хранило секреты. И, возможно, ждало её.

Где-то в городе били куранты на старой водонапорной башне. Полночь.

И в этот момент она услышала звук. Не в доме. Снаружи. На галечном пляже внизу. Скрип. Как будто тянут что-то тяжёлое по камням.

Она подошла к окну, спряталась за косяк и заглянула вниз.

Луна вышла из-за облаков, озарив серебристым светом узкую полосу пляжа. Там, у самой кромки воды, стояла фигура. Высокая, худая, в длинном тёмном плаще или пальто. Фигура стояла спиной к дому, глядя на озеро. А у её ног ле-

жало что-то вытянутое, свёрнутое в ткань или мешок.

Фигура наклонилась, взяла свёрток и, раскачав, бросила его в воду. Был слышен тихий всплеск. Свёрток ненадолго показался на поверхности – тёмный, продолговатый, размером с человеческое тело, – а потом медленно пошёл ко дну.

Фигура постояла ещё мгновение, наблюдая за кругами на воде, затем повернулась и медленно пошла вдоль берега, скрываясь в тени прибрежных скал. Но в тот момент, когда она поворачивалась, лунный свет упал на её лицо. Вернее, на то, что его заменяло. Гладкую, белую, без единой черты маску. Маску, отражавшую только холодный лунный свет.

Лица отпрянула от окна, прижав ладонь ко рту, чтобы заглушить стон. Это был Он. Фокусник. И он только что избежал от очередного «произведения». Прямо под её окнами.

Она просидела на полу, под окном, до самого рассвета, не в силах пошевелиться. Её разум цеплялся за единственную нить надежды, за единственный запланированный и ещё сохранявший смысл шаг.

Завтра в пять вечера. Артём Сергеевич. Психотерапевт. Человек, который должен был помочь ей справиться со страхами. Теперь, когда страхи перестали быть метафорическими и стали плотью и кровью, свисающей с соснового сука и тонущей в чёрной воде, его помощь была нужна как никогда.

Но голос в глубине её сознания, холодный и ясный, шептал: а что, если помощь – это лишь другая ловушка? Что, если в этом городке, где озеро помнит все секреты, а лес скры-

вает все преступления, нет разницы между тем, кто лечит души, и тем, кто их разрывает на части? Что, если и то, и другое – лишь разные способы добраться до самой сути, до «грязи», чтобы поиграть с ней?

Она посмотрела на озеро, которое с первыми лучами солнца снова стало безмятежным и прекрасным. Тихая вода. Гладкая поверхность. И неизвестность в глубине, где сейчас лежал свёрток, брошенный человеком в маске.

Лица поняла, что она не вернулась в прошлое. Она шагнула в самое настоящее, жуткое настоящее. И обратной дороги, похоже, не было.

Глава 2: Первая сессия

Улица Озёрная была главной артерией Кривиц, но пульс здесь бился едва слышно. Лика шла по тротуару из разошедшихся досок, глядя на желтый особняк с колоннами в конце улицы. Дом выделялся среди покосившихся деревянных строений, как инородное тело – двухэтажный, каменный, выкрашенный в яично-желтый цвет, который давно выцвел до грязно-песочного. Колонны по бокам от тяжелой дубовой двери напоминали сторожевые башни. Окна первого этажа были высокими, с арочными завершениями, стекла в них казались черными от пыли и тени. На втором этаже – обычные прямоугольные окна, затянутые плотными шторами цвета старой крови.

Лика остановилась перед калиткой в кованой ограде. Сердце стучало неровно, ладони вспотели. Прошлая ночь пронеслась перед глазами обрывками кошмара: белая маска в лунном свете, темный сверток, исчезающий в черной воде, и глаза той девушки на поляне – пустые, смотрящие в небо. Она не спала. Не могла спать. Каждый скрип дома заставлял ее вжиматься в подушки, каждое дуновение ветра казалось чьим-то дыханием за окном.

Участковый Фёдоров так и не приехал. Утром она позвонила в участок – та же усталая секретарша сообщила, что он «занят по другому делу». Лесную поляну она обходила за

километр, идя в город длинной окружной дорогой. Мысль о том, что тело все еще лежит там, на бревне, а Максим – тот самый бармен – ходит на работу как ни в чем не бывало, сводила с ума. Но что она могла сделать? Она – приезжая. Она – та, у кого свои скелеты в шкафу. И теперь еще и свидетель, которого видел потенциальный убийца.

«Это часть терапии, – сказала она себе, сжимая ручку сумки так, что костяшки побелели. – Ты здесь, чтобы встретиться со страхом. Даже если этот страх теперь имеет лицо. Или маску».

Она толкнула калитку. Та отворилась с протяжным скрипом, будто протестуя против вторжения. Двор был заброшен: бурьян по пояс, сломанная каменная скамья, облупившаяся статуя какого-то античного бога без головы. Тропинка к дому едва угадывалась среди зарослей лопуха и крапивы.

Дверь открылась сама, едва она поднялась на крыльцо. В проеме стоял Артём Сергеевич Белобородов.

Он не соответствовал ожиданиям. Лица представляла себе психотерапевта – особенно такого, который практикует «авторские методики» в глухом городке – либо уставшим интеллигентом в свитере, либо экзальтированным гуру в свободной одежде. Белобородов был ни тем, ни другим.

Ему действительно было около сорока пяти. Высокий, под метр девяносто, с широкими плечами, которые не скрывал даже свободный темно-серый кардиган поверх белой рубашки. Лицо – не резкое, но и не мягкое: высокий лоб, темные

волосы с проседью, коротко подстриженные, прямой нос, плотно сжатые губы. Но главное – глаза. Светло-серые, почти прозрачные, как лед на озере в ноябре. Они смотрели не на Лику, а сквозь нее, будто сразу фиксируя все микротрещины на ее фасаде.

– Лика? – голос был таким же, как по телефону: бархатным, низким, лишенным эмоциональной окраски. – Входите. Пунктуальность – хороший признак.

Он отступил, пропуская ее внутрь. Прихожая была просторной, с высоким потолком, темным паркетным полом, потертым до дыр в некоторых местах. Пахло старым деревом, пылью и чем-то еще – слабым, едва уловимым запахом лада на или сухих трав. На стене висело огромное зеркало в тяжелой раме, и Лика мельком увидела в нем свое отражение: бледное лицо, темные круги под глазами, губы, поджатые в тонкую белую ниточку. Она выглядела как привидение.

– Снимайте обувь, пожалуйста. И верхнюю одежду. Комфорт важнее формальностей.

Она послушно сняла легкую куртку, повесила на вешалку рядом с его темным пальто. Надежда на то, что этот человек сможет помочь, вспыхнула слабым огоньком. Он выглядел компетентным. Контролирующим. Как раз таким, кто мог бы навести порядок в хаосе ее мыслей.

– Кабинет на втором этаже. Идите, я закрою дверь.

Лестница скрипела под ногами. На втором этаже был длинный темный коридор с несколькими дверями. Все за-

крыты. В конце коридора, в открытую дверь, лился дневной свет. Лика вошла.

Кабинет был непохож на кабинет психолога. Ни мягких кресел, ни успокаивающих пейзажей на стенах, ни полок с книгами по психологии. Это была большая комната с голыми стенами цвета слоновой кости. В центре стояло два простых деревянных стула – друг напротив друга, на расстоянии трех метров. У одной стены – кушетка, но не мягкая, а жесткая, обтянутая черной кожей, больше похожая на медицинскую. У окна – небольшой стол, на нем ноутбук, стопка бумаг и стакан с водой. Окно было завешено той же темно-бордовой тканью, но здесь она была отодвинута, и в комнату лился холодный северный свет. Вид открывался на озеро – с этой высоты оно казалось огромным свинцовым блюдцем, уткнувшимся в горизонт.

– Садитесь, – сказал Белобородов, входя в комнату. Он указал на один из стульев. – На какой угодно. Это не имеет значения.

Лика выбрала стул лицом к окну. Ей хотелось видеть выход. Он сел напротив, откинулся на спинку, сложил руки на коленях. Его поза была расслабленной, но в ней чувствовалась стальная пружина готовности.

– Прежде чем мы начнем, несколько правил, – сказал он. Его взгляд теперь был пристальным, физически ощутимым, как луч фонаря в темноте. – Первое: здесь нет табуированных тем. Второе: я могу задавать вопросы, которые покажут-

ся вам грубыми, неуместными или болезненными. Это часть метода. Третье: вы вправе прекратить сессию в любой момент. Но если вы это сделаете, я не буду работать с вами дальше. Мой метод требует полного погружения и доверия. Четвертое: все, что здесь прозвучит, останется между нами. Юридически я не обязан сообщать куда-либо, о чем бы то ни было, если только не услышу о непосредственной угрозе чьей-то жизни. Понятно?

Ли́ка кивнула. Горло было сухим.

– Вербально, пожалуйста. Для ясности.

– Понятно.

– Хорошо. – Он взял со стола блокнот и ручку, но не открыл. Просто держал в руках, как ритуальный предмет. – Вы приехали из Москвы. У вас успешный блог о психологии. Вы учите других любить себя, выстраивать границы. А сами приехали в заброшенный дом на краю света, чтобы решить проблему, о которой не можете сказать ни слова своим подписчикам. Интересный парадокс.

Он сказал это без осуждения, просто как констатацию факта. Но Ли́ка почувствовала, как по ее спине пробежал холодок. Он уже изучил ее? Нашел блог?

– Я... я считаю, что терапевт должен сначала исцелить себя, – проговорила она, слыша, как фальшиво это звучит.

– Конечно, – он чуть склонил голову. – Но обычно для этого не едут в места, где произошла травма. Обычно бегут от них. Вы же приехали на место преступления. В прямом

смысле, как я понимаю.

Ли́ка замерла.

– Что вы имеете в виду?

– Вчера в лесу нашли тело молодой женщины. И вы были тем, кто сообщил об этом в кафе Максима. Местные уже шепчутся. Для Кривиц это – главная новость.

– Вы думаете, это как-то связано с моим приездом? – голос дрогнул.

– Все связано, Ли́ка. Особенно в таком месте, как это. Но давайте пока оставим мертвых девушек в покое. Поговорим о живых. О вас. В анкете, которую вы заполнили онлайн, вы указали «сложности с получением сексуального удовлетворения» и «нарушение телесного восприятия». Это очень общие формулировки. Давайте конкретизируем. Вы испытываете отвращение к своему телу?

Вопрос ударил, как пощечина. Прямота была настолько шокирующей, что на секунду Ли́ка лишилась дара речи. Она привыкла к осторожным обходным маневрам московских терапевтов: «как вы относитесь к своей физической оболочке?», «есть ли трудности в интимной сфере?».

– Я... – она сглотнула. – Да. Иногда.

– «Иногда» – это когда вы смотрите в зеркало? Когда вас касается мужчина? Когда вы пытаетесь мастурбировать?

Слово «мастурбировать» прозвучало в тишине кабинета как выстрел. Ли́ка почувствовала, как по ее щекам разливается жар. Стыд. Все тот же старый, верный стыд.

– Во всех этих ситуациях, – прошептала она.

– Хорошо. Аноргазмия – первичная или вторичная? То есть, вы никогда не испытывали оргазм, или раньше могли, а теперь нет?

Она закрыла глаза. Комната поплыла. «Это терапия. Это нужно. Через это нужно пройти».

– Вторичная. Раньше... раньше могла. В юности. Один раз.

– Один раз? – его голос выразил легкое удивление. – И больше никогда?

– Никогда.

– Что произошло после того одного раза?

Лица открыла глаза. Он смотрел на нее безжалостно, не отводя взгляда. Его серые глаза казались увеличительными стеклами, выжигающими ее изнутри.

– Я не хочу об этом говорить.

– Вы только что согласились с правилами. Нет табуированных тем. Что произошло после того одного раза, Лица?

Она вдохнула, выдохнула. Техника заземления: пять вещей, которые я вижу. Стул. Окно. Озеро. Его руки. Пол. Четыре вещи, которые я чувствую. Холод дерева под ладонями. Шершавую ткань платья. Собственное бешено бьющееся сердце. Сухость во рту.

– Меня... – голос сорвался. Она начала снова, тише. – Со мной что-то произошло. После этого. Не сразу после, но в ту же ночь.

– Вы были здесь, в Кривицах?

Она кивнула.

– Вербально.

– Да. Я была здесь. Летом. Десять лет назад.

– Сколько вам было?

– Шестнадцать.

– Вы приехали отдыхать?

– Да. С подругой и ее родителями. Они сняли дом. Я... я познакомилась с местными ребятами.

– Парнями?

– Да. Их было трое. Старше. Им было по девятнадцать, двадцать.

– И с одним из них у вас был тот самый единственный оргазм?

Слезы подступили к глазам. Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль помогала держаться на поверхности.

– Да. С одним. Его звали Денис.

– Где это произошло?

– На пляже. Ночью. Мы... мы были там с компанией. Пили вино. Потом все разошлись, а мы остались. И... это случилось.

– Добровольно?

– Да! – она почти крикнула, потом понизила голос. – Да. Я хотела. Мне было страшно, но... я хотела.

– А потом что случилось? В ту же ночь?

Лица замолчала. Картина всплыла перед глазами с такой

яркостью, что она физически почувствовала запах озера, дыма от костра, дешевого вина на языке. Услышала смех. Громкий, развязный смех.

– Ли́ка? – голос Белобородова вернул ее в настоящее. – Что случилось потом?

– Они пришли, – выдохнула она. – Остальные двое. Денис... он позвал их. Я думала, он шутит. Но они пришли. И Денис... он сказал... – она сглотнула ком в горле, – он сказал: «Ну что, покажем московской штучке, как тут веселятся?»

Тишина в кабинете стала густой, как сироп. Белобородов не шевелился, только его глаза сузились чуть заметно.

– Они вас изнасиловали?

– Нет! – это слово вырвалось с такой силой, что эхо отозвалось в пустой комнате. – Нет. Они... не стали. Они смеялись. Держали меня. Один держал за руки, другой – за ноги. А Денис... он просто смотрел. Говорил: «Смотри, какая ты грязная. Смотри, как тебе нравится. Ты же хочешь еще, да?» А они смеялись. А я... я не могла пошевелиться. Я замерзла. Внутри все замерзло. И потом... потом они ушли. Просто ушли, оставили меня там. А я лежала на песке и смотрела на звезды, и чувствовала... чувствовала, как мое тело грязное. Оскверненное. Не мое. И с тех пор... с тех пор, когда кто-то прикасается ко мне, я снова там. На том пляже. И я замерзаю. Внутри все выключается.

Она закончила, задыхаясь. Слезы текли по ее щекам, но она даже не пыталась их смахнуть. Впервые за десять лет она

выговорила это вслух. Не обрывками на сеансах, не намеками, а все. Целиком.

Белобородов молчал. Потом медленно поднялся, подошел к столу, налил воды в бумажный стаканчик и принес ей.

– Пейте медленно.

Она взяла стакан дрожащими руками, сделала глоток. Вода была холодной, почти ледяной.

– Спасибо, – прошептала она.

– За что? – он вернулся на свое место. – Я не сделал ничего, кроме как задал вопросы. Это вы сделали тяжелую работу. Впервые рассказали.

– Да.

– И что вы чувствуете сейчас?

Лица прислушалась к себе. Ожидала облегчения, катарсиса. Но его не было. Была пустота. И страх. Страх, что теперь, когда эта история вышла наружу, она стала реальной в новом, ужасающем смысле.

– Я боюсь, – сказала она честно.

– Хорошо. Страх – это энергия. Ее можно использовать. Но прежде давайте разберем механизм. Вы сказали «грязное». Это ваше слово или их?

– Их. Денис сказал: «Смотри, какая ты грязная».

– И вы поверили?

– Я... не знаю. Мое тело отреагировало. Было возбуждение. А потом... стыд. Такой сильный, что все внутри онемело.

– То есть, ваше тело испытало удовольствие, а ваш разум осудил его как «грязь». И с тех пор разум и тело в состоянии войны. Тело помнит возможность удовольствия, но разум блокирует его, потому что связывает с травмой, с унижением, с потерей контроля. Вы пытались вернуть контроль?

– Как?

– Через блог. Через помощь другим. Через создание образа эксперта, который знает, как справиться с болью. Но это – внешний контроль. Внутренний, телесный контроль вы потеряли. И теперь приехали, чтобы его вернуть. На том самом месте, где его потеряли.

Лица кивнула, не в силах говорить. Он видел насквозь. Как будто прочитал ее как открытую книгу.

– Это хорошее начало, – сказал Белобородов. Его голос немного смягчился, но в глазах не было тепла. Только анализ. – Но недостаточное. Вы рассказали историю. Но история – это слова. Травма живет не в словах, а в теле. В мышечных зажимах, в паттернах дыхания, в том, как вы отводите взгляд, когда говорите о сексе. Чтобы исцелиться, нужно работать с телом напрямую.

– Как? – спросила Лица.

– Есть разные методы. Телесная психотерапия. Дыхательные практики. В крайних случаях – провокативная терапия, когда мы искусственно вызываем состояние, похожее на травматическое, но в безопасных условиях, чтобы переписать реакцию.

– И... вы практикуете такое?

– Я практикую то, что работает. Для каждого пациента – свой подход. Для вас... – он пристально посмотрел на нее, – я думаю, нужен метод погружения. Вы приехали на место травмы. Это смело. Но вы все еще держитесь на расстоянии. Живете в доме, но не на пляже. Говорите о прошлом, но не чувствуете его кожей. Чтобы прорваться через онемение, нужен шок.

Лица почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

– Какой шок?

– Не физический, не волнуйтесь, – он уловил ее страх. – Эмоциональный. Когнитивный. Например, встреча с чем-то, что зеркально отражает вашу травму, но в другом контексте. Вы видели тело в лесу. Вы видели символы. «Фокусник», как его называют, работает с женскими страхами, с их «грязью», как он это называет. Он превращает это в некое подобие искусства. Вы же пытаетесь сделать то же самое в терапии: вытащить «грязное», чтобы очистить. Видите параллель?

Лица замерла. Мысль, которая мелькала у нее краем сознания, теперь была высказана вслух.

– Вы думаете, это как-то связано со мной?

– Все связано, повторил я. Но не в мистическом смысле. В практическом. Вы – психолог, который приехал работать с травмой сексуального характера. В городке, где орудует маньяк, который нацелен на женщин с тайными страхами, часто сексуальными. Вы – идеальная мишень. И для терапии,

и для него.

Холод охватил ее, несмотря на солнечный свет за окном.

– Вы хотите сказать, что я в опасности?

– Вы были в опасности с момента приезда. Но теперь, после того как вы нашли тело и, возможно, были замечены, опасность возросла. И это можно использовать.

– Использовать? Как?

– Как часть терапии. Контролируемое столкновение со страхом. Мы не можем пригласить «Фокусника» на сеанс, – он сказал это с легкой, почти неуловимой усмешкой, – но мы можем создать условия, в которых ваши собственные страхи выйдут на поверхность. И тогда, когда они будут перед вами, а не внутри, мы сможем с ними работать.

Лица почувствовала головокружение. Все происходило слишком быстро. Она пришла за помощью в борьбе с аноргией, а он говорит о маньяках и контролируемых столкновениях.

– Я не уверена, что понимаю.

– Вам не нужно понимать. Вам нужно доверять. Или не доверять и уйти. – Он посмотрел на часы на стене. – Первая сессия подходит к концу. У нас есть пятнадцать минут. Я задам вам последний вопрос на сегодня, и вы ответите, не думая. Инстинктивно. Хорошо?

Она кивнула.

– Вербально.

– Хорошо.

– Если бы «Фокусник» пришел за вами, какую бы картину он создал из вашей «грязи»? Что бы он выставил на всеобщее обозрение?

Вопрос повис в воздухе, острый и холодный, как лезвие. Лица задохнулись. Перед глазами всплыло изображение: она сама, лежащая на песке, обнаженная, а вокруг – символы, нарисованные кровью. Круги. Спирали. И слова: «ЗДЕСЬ БЫЛА ГРЯЗЬ».

– Я... я не знаю.

– Не знаете или боитесь сказать?

– Боюсь.

– Страх – это энергия, повторил он. – Хорошо. На сегодня достаточно. Следующая сессия – послезавтра, в то же время. Но до этого я дам вам задание.

– Какое?

– Сегодня ночью вы вернетесь на тот пляж. Тот самый, где все произошло. Вы возьмете с собой только фонарик. Вы сядете на песок и просто побудете там. Час. Не меньше. Вы будете наблюдать за своими ощущениями, но не убегать от них. Если придет страх – позвольте ему быть. Если придут воспоминания – позвольте им быть. Вы не будете ничего анализировать. Просто будете присутствовать.

Лица смотрела на него с ужасом.

– Ночью? Одной? Но... вы же сами сказали, что я в опасности. Что «Фокусник»...

– «Фокусник» охотится на тех, кто бежит от своих стра-

хов. Вы же пойдете им навстречу. Это делает вас сильнее. Кроме того, – он встал, давая понять, что сессия окончена, – я буду неподалеку. Не видимо, но я буду там. Чтобы убедиться, что с вами все в порядке. Это часть метода – поддерживающее присутствие без вмешательства.

Он подошел к двери, открыл ее.

– Подумайте. Если решитесь – приходите послезавтра. Если нет – я пойму. Но тогда я не смогу вам помочь. Ваша травма слишком глубоко сидит в теле, и обычными разговорами ее не достать.

Лика поднялась, ноги были ватными. Она чувствовала себя опустошенной, вывернутой наизнанку. Но вместе с тем – странно живой. Как будто тот лед, что сковал ее изнутри, дал первую трещину.

– Спасибо, – сказала она снова, не зная, за что именно.

– Не благодарите меня, пока не получите результат, – ответил он. Его лицо было непроницаемым. – И, Лика? Будьте осторожны по дороге домой. Городок маленький. Здесь все всех видят. И все обо всех знают.

Она вышла на улицу, и дверь закрылась за ней с тихим, но окончательным щелчком. Солнце уже клонилось к горизонту, отбрасывая длинные, искаженные тени. Желтый особняк казался теперь не просто домом, а каким-то древним храмом, где совершались странные обряды.

Лика шла по улице Озёрной, не видя ничего вокруг. В ушах звенело от напряжения. Его вопрос эхом отдавался в

голове: «Какую бы картину он создал из вашей грязи?»

Она не заметила, как свернула не в ту сторону, оказавшись на узкой улочке, ведущей к старой пристани. Здесь было тихо и пустынно. Пристань полуразрушена, доски прогнили, в воде качались несколько заброшенных лодок с дырявыми бортами. Воздух пах рыбой и тиной.

И тут она увидела его. Максима. Он стоял у края пристани, курил, глядя на воду. На нем была та же темная футболка, руки в карманах. Он заметил ее и медленно повернул голову. Улыбки не было. Только оценивающий взгляд.

– Психушку посетили? – спросил он, выпуская клуб дыма.

– Что? – Лика опешила.

– Белобородова. Всех приезжих девок он к себе заманивает. Говорят, помогает. – Он сделал еще одну затяжку. – Или калечит. Смотри как посмотреть.

– Вы, о чем?

– Да так. Местные байки. Говорят, у него методы... нестандартные. Что некоторые после него совсем ку-ку становятся. А некоторые – исчезают.

Слова упали, как камни, в тишину между ними. Лика почувствовала, как холодок пробежал по спине.

– Что вы хотите сказать?

– Да ничего. Просто интересно, что такая образованная, из Москвы, пошла к нашему деревенскому шарлатану.

– Он не шарлатан. Он... – она запнулась, не зная, как описать сессию.

– Он что? Заставил вас поплакать? Рассказать про все грехи? Пообещал исцеление, если будете слушаться? – Максим бросил окурок в воду. Тот шикнул и утонул. – Старая песня. Только здесь, в Кривицах, песни иногда имеют очень плохой конец.

– Вы угрожаете? – Лика попыталась вложить в голос твердость, но он дрогнул.

Максим рассмеялся – коротко, сухо.

– Угрожать? Мне? Да я вам жизнь советую. Уезжайте отсюда. Пока можете. Потом будет поздно.

– Поздно для чего?

Он посмотрел на нее, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на жалость.

– Для всего. Это место... оно как болото. Засасывает. Особенно таких, как вы. С тайнами. С болью. Здесь эта боль становится пищей. Для кого-то.

Он развернулся и пошел прочь по пристани, не оглядываясь. Лика стояла, не в силах пошевелиться. Его слова переплелись со словами Белобородова, создавая жуткую симфонию предостережений.

Она пошла обратно к дому, уже почти в сумерках. Лес по бокам дороги сгущался в сплошную черную стену. Каждый шорох в кустах заставлял ее вздрагивать. Она вспомнила задание: ночь на пляже. Одна. Мысль об этом вызывала панический, животный ужас.

Дом встретил ее ледяным молчанием. Она заперла дверь

на все замки, проверила окна. Засов на двери в подвал все еще держался, стул стоял на месте. Но чувство, что она не одна, не покидало.

Она поднялась на второй этаж, в свою комнату, и села на кровать. На тумбочке лежала та самая фотография. Она взяла ее в руки. Шестнадцатилетняя Лика улыбалась в камеру, не зная, что через несколько часов ее мир расколется. На заднем плане, среди смеющихся лиц, был Денис. Высокий, светловолосый, с дерзкой ухмылкой. И еще двое: коренастый парень в кепке и худой, с хищным лицом. Их имен она никогда не узнала. Только прозвища: Кепка и Хищник.

Куда они делись? Живут ли еще здесь? Она никогда не пыталась выяснить. Бежала, старалась забыть. А теперь вернулась.

Сумерки сгустились в настоящую ночь. Лика не включала свет, сидя в темноте и глядя на окно. Озеро было черным провалом, в котором иногда отражались звезды. Где-то там, под водой, лежал тот сверток, брошенный человеком в маске. Где-то в лесу все еще лежала девушка с солнцем на лбу. А где-то в городе ходил «Фокусник», выискивая следующую жертву.

И она должна была выйти к нему навстречу. Одна. Ночью. Безумие. Чистое безумие.

Но другая часть ее – та, что десять лет прожила в онемении, – шептала: а что, если это единственный способ? Что, если Белобородов прав, и нужно пройти через самое темное

место, чтобы выйти к свету?

Она посмотрела на часы. Девять вечера. До полуночи еще три часа.

Решение пришло внезапно, как вспышка. Она встала, нашла в сумке маленький, но мощный фонарик. Надела темные джинсы, черную кофту, кроссовки. Взяла нож – маленький складной ножик, который носила с собой со времен жизни в городе. Он почти никогда не пригождался, но сейчас его вес в кармане был слабым утешением.

Она вышла из дома. Ночь была холодной, не по-летнему. Ветер с озера пробирал до костей. Небо – черное, безлунное, усеянное бесчисленными звездами. Они отражались в воде, создавая иллюзию, что озеро – это портал в другую, перевернутую вселенную.

Тропинка к пляжу была узкой, извилистой, терялась среди камней и корней. Лица шла медленно, освещая путь фонариком. Каждый звук – шелест листьев, крик ночной птицы, всплеск воды – заставлял сердце замирать. Она думала о том, что Белобородов где-то рядом. Наблюдает. Но это не приносило успокоения. Наоборот, мысль, что за ней следят, была почти такой же жуткой, как мысль, что она одна.

Пляж открылся перед ней внезапно – узкая полоса серого песка и гальки, окаймленная темной водой. Воздух пах влажным песком, водорослями и чем-то еще – сладковатым, гнилостным запахом, который она уже знала. Запах смерти.

Она выключила фонарик. Темнота нахлынула, почти ося-

заемая. Постепенно глаза начали привыкать. Очертания скал, деревья на обрыве, серебристая рябь на воде. Она нашла то место. Примерно там, где они тогда сидели у костра. Песок здесь был мягче.

Лица села, обхватив колени руками. Холод проникал сквозь джинсы. Она закрыла глаза, пытаясь сделать то, что велел Белобородов: просто присутствовать. Но тело было напряжено до предела, каждый нерв звенел, ожидая опасности.

Сначала пришли звуки. Смех. Громкий, пьяный смех. Звон бутылок. Голос Дениса: «Не бойся, тут все свои...». Потом пришли ощущения: тепло от костра на коже, вкус вина во рту, волнение, смешанное со страхом. Руки Дениса на ее талии. Потом – на груди. Потом...

Она открыла глаза, стараясь отогнать воспоминание. Но оно было сильнее. Оно приходило не как картинка, а как полное погружение. Она снова почувствовала песок под спиной, его руки, его дыхание. А потом – шаги. Еще двое. И смех. Другой смех – жестокий, похабный.

«Смотри, какая ты грязная».

Лица сжалась в комок. Ее дыхание участилось, стало поверхностным. Паника поднималась по позвоночнику, как ледяная волна. Она хотела встать и бежать. Бежать прочь от этого места, от этих воспоминаний. Но задание было – оставаться.

«Просто присутствуй. Позволь страху быть».

Она зажмурилась сильнее, вжимаясь в песок. Слезы текли

по щекам. Она снова была той шестнадцатилетней девочкой, беспомощной, униженной, оставленной одной на холодном песке под равнодушными звездами.

И вдруг – реальный звук. Не в памяти. Здесь и сейчас. Шорох гальки. Кто-то идет по пляжу.

Лица замерла, открыла глаза. Темнота была непроглядной, но она различила движение у кромки воды. Фигуру. Высокую, темную. Она шла медленно, почти бесшумно.

«Белобородов?» – мелькнула надежда.

Но фигура была другой. Более массивной. И походка – тяжелой, уверенной. Это был мужчина.

Он остановился в двадцати метрах от нее, повернулся лицом к озеру. Лица не дышала, прижавшись к скале. Ее черная одежда помогала слиться с тенью.

Мужчина что-то делал у воды. Она услышала звук – как будто что-то волокут по гальке. Потом – всплеск. Еще один. Он бросал что-то в воду. Камни? Нет, звук был глуше, мягче.

Потом он зажег фонарь. Не яркий, а красный, как свет темной комнаты. Луч упал на воду, и Лица увидела.

Он держал в руках куклу. Тряпичную, самодельную, с волосами из пакли. Кукла была одета в лоскутное платье. И на ее лице было нарисовано что-то. Символ. Тот же, что в подвале: круг с точкой и лучами. Солнце.

Мужчина опустил куклу в воду, держа ее за голову, как будто крестил. Потом вытащил, положил на песок, достал из кармана нож. Длинный, с узким лезвием, блеснувшим в

красном свете.

Лица почувствовала, как сердце остановилось. Она хотела закричать, но голос застрял в горле.

Мужчина поднес нож к горлу куклы и медленно, с явным усилием, разрезал ткань. Из разреза высыпалась какая-то темная субстанция – песок? Земля? Он выскоблил ее рукой, бросил в воду. Потом достал что-то из другого кармана – маленький сверток, развернул. В свете фонаря блеснуло что-то белое, костяное. Он вложил этот предмет внутрь куклы, в разрез, потом зашил его грубыми, неровными стежками черной ниткой.

Весь ритуал занял не больше десяти минут. Он совершал его с сосредоточенностью хирурга или жреца. Без спешки, без эмоций. Когда закончил, поднял куклу, поцеловал ее в лоб – прямо над нарисованным солнцем – и бросил в озеро. Кукла поплыла, медленно, вертясь на мелкой ряби, пока красный свет фонаря не потерял ее из виду.

Мужчина выключил фонарь. Темнота снова сомкнулась. Лица слышала, как он тяжело дышит, как песок хрустит под его ногами. Он повернулся и пошел обратно по пляжу, прямо мимо того места, где она пряталась.

Она вжалась в скалу, стараясь стать невидимой. Он прошел так близко, что она почуяла запах – смесь пота, табака и чего-то химического, как бензин или растворитель. Он не заметил ее. Его шаги удалились, растворились в ночи.

Лица сидела неподвижно еще долго после того, как звуки

стихли. Дрожь была ее, как в лихорадке. То, что она только что увидела, было не просто странным – это было безумием, воплощенным в ритуале. Этот человек... он был «Фокусником»? Или одним из его последователей? И что было в той кукле? Что он вложил внутрь?

Вопросы крутились в голове, не находя ответов. Но самое страшное было в другом: этот ритуал был обращен к чему-то древнему, темному. К вере, что через насилие и осквернение можно достичь очищения. И это зеркально отражало ее собственную попытку очиститься через возвращение в место травмы.

Она наконец встала, ноги одеревенели от холода и страха. Фонарик она не зажигала, шла на ощупь, держась за скалы. Когда она выбралась на тропинку, ведущую к дому, то увидела там другую фигуру.

Высокую, в темном пальто. Белобородова.

Он стоял, прислонившись к дереву, и курил. Огонек сигареты был единственной точкой света в темноте.

– Вы все видели? – спросила Лика, и ее голос прозвучал хрипло, чужим.

– Да.

– Почему вы не остановили его? Не позвали полицию?

– Полиция здесь бесполезна. А остановить... зачем? Чтобы он просто убежал? Теперь мы знаем больше.

– Кто это был?

– Не знаю. Но не «Фокусник». Слишком грубая работа.

«Фокусник» – художник. Это... ремесленник. Подражатель. Или часть чего-то большего.

Он отбросил окурок, раздавил его каблуком.

– Вы справились. Остались. Видели страх лицом к лицу. Что чувствуете?

Лица задумалась. Страх был. Ужас. Но также... странное чувство превосходства. Она выжила. Она увидела монстра и не убежала.

– Я жива, – сказала она просто.

– Да. И это главное. Теперь пойдете. Вам нужно отогреться.

Он повел ее не к ее дому, а обратно в город, к своему особняку. Кабинет был освещен лишь настольной лампой, отбрасывающей круг света на стол. Он налил ей коньяку в маленькую стопку.

– Пейте. Это поможет.

Она выпила залпом. Огонь разлился по желудку, отогревая изнутри.

– Кто бы это ни был, он занимается этим не в первый раз, – сказал Белобородов, садясь за стол. – Ритуал был отрепетирован. Но кукла... кукла была новой жертвой. Той, что нашли в лесу. Он сделал ее изображение, «очистил» от «грязи» – той субстанции внутри, – и вложил новую «сущность». Кость, скорее всего. Фетиш.

– Зачем?

– Чтобы сохранить часть ее. Чтобы контролировать. В

примитивных культурах считалось, что, обладая частью человека, ты обладаешь его душой. Или хотя бы влияешь на нее. «Фокусник» и его последователи верят в магию. В магию травмы.

Лица смотрела на свои руки. Они все еще дрожали.

– Вы думаете, их несколько?

– Возможно. Секта. Или просто группа больных людей, нашедших друг друга. «Фокусник» – их лидер, вдохновитель. Он задает тон, символы. Остальные подражают. Или выполняют часть работы.

– Какая работа?

– Сбор «материала». Девушки с определенными страхами. Их похищение. Подготовка. А потом... презентация. Как в лесу. Как на озере. Они создают выставки из страданий.

Лица почувствовала тошноту. Коньяк загорелся в желудке кислотным огнем.

– И я следующая? Потому что приехала со своим страхом?

Белобородов посмотрел на нее долгим, пронзительным взглядом.

– Вы могли бы быть. Но теперь вы под защитой.

– Вашей?

– Моей терапии. Вы больше не просто жертва. Вы – охотник. Вы изучаете свой страх, чтобы понять страх других. Вы видели ритуал. Вы знаете больше, чем любая другая потенциальная жертва. Это делает вас опасной для них. И интересной для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.